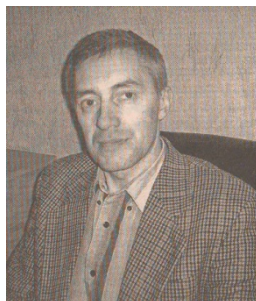

ЛИЦО АФГАНЦА

Об «афганцах» много написано, но так непростительно мало известно. Беседа с ними, начинаешь приобретать представление о том, что такое война, послевоенная жизнь и память о войне.

Живет в Витебске Вячеслав Белоус (на снимке). 40 лет. Родился в Бабиничах. Учился в Полоцком лесохозяйственном техникуме. С 1986 по 1989 гг. – старший прапорщик 350-го гвардейского парашютно-десантного полка, дислоцированного в Афганистан. Сейчас – учитель истории в Рубовской школе. Солист ансамбля «Світанак».

– Вячеслав, не жалеете ли Вы, что прошли Афган?

– Нисколько. Я с ностальгией вспоминаю эти годы. Это была красивая мужская романтика. Многие мои друзья мечтали бы вернуться в Афганистан и все пройти заново. К тому же, я сам выбрал свой жребий на три года – пошел воевать по своей воле.

– Насколько был страшен противник, и понимали ли Вы, что солдаты вражеской армии – такие же люди, втянутые в жерло войны?

– В бою, разумеется, было страшно, но в остальное время лично я чувствовал себя спокойно. А люди – они везде люди. Мы видели, что наши враги в своем большинстве – обычные крестьяне, защищавшие свою Родину и уже уставшие от войны. Мы понимали, что им так же тяжело, как и нам, поэтому с пленными всегда обращались мягко. По крайней мере, так было в нашем полку. Иногда, очень редко, кто-то из нас мог дать пленному оплеуху. И все. Со многими из них мы успели даже подружиться за то короткое время, которое «духи» были у нас.

Был еще такой случай. В ноябре 1986-го мы блуждали в лабиринтах ущелья Панджшер (Ущелье Пяти Львов). Напоролась на душманов, и началась перестрелка. Один из наших погиб, двоих ранило. Спустя несколько месяцев, в годовщину их революции, мы стояли на аэродроме и ждали очередного рейсового направления на разведку. Рядом дежурили бойцы из Афганской народной армии. И вдруг один из них подошел к нашему сержанту Диме Желтышеву, положил ему руку на плечо и спросил через переводчика: «Это ты несколько месяцев назад держал на голове коробку с продуктами, в которую попала пуля?» «Я», – ответил Дима. «Так вот пуля, дружище, была от меня. Ты уж извини. Мы тогда еще были против вас». Вместе смеялись – и мы, и они. Бессмысленной была эта война...

– Но ведь известны факты, когда сами душманы вели себя с советскими пленными не очень достойно...

– Да, это так. Но война вряд ли возможна без подобных сцен. Очень часто они были к нам даже лояльны, понимали нас.

– Кого из сослуживцев Вы вспоминаете в первую очередь?

– Мне часто вспоминается военный доктор Толя Костенко. Это был настоящий интеллигент и большой весельчак. Он всегда умел поднять боевой дух батальона, когда нам было неважно и физически, и морально. Бывало, тащимся мы через непреодолимый перевал с 50-килограммовым грузом за плечами, еще немного – и упадем в обморок. Толя: «Кто решил отрубиться – поспешите. А то у меня тут чарка, мне больше достанется». Все сразу взбодряется и продолжают свой адский путь. Он погиб, когда выносил раненых. Пуля попала ему прямо в сердце и разорвала его ровно на две половины. Так получилось, что тело вскрывал ленинградский академик, его наставник. Он с ужасом узнал своего ученика. Димино сердце он отправил на заспиртовку, и оно хранится теперь в Санкт-Петербургском военно-медицинском музее,

– Можете ли Вы привести особые примеры стойкости, которые проявляли на войне Ваши товарищи?

– Был в нашем батальоне такой Андрей Макаренко. Случилось так, что взрывом ему оторвало ногу до колена и изрядно покалечило другую. А он, вместо того, чтобы звать на помощь, сам наложил на рану жгут, перевязал ее бинтом и ждал прихода санитаров. А после демобилизации Андрей окончил медицинский институт, стал врачом, чтобы исцелять людей. Мало мы знаем о таких людях. А жаль. Сколько было в Афгане настоящих героев!

– Вы тоже пошли учиться после войны?

– Нет, учился я во время службы. Брал отпуск и летал на сессии в Рязанский пединститут. Сдавал – и опять на войну.

– И Вы завидовали другим студентам, которым не нужно туда отправляться?

– Нет. Я гордился тем, что я на войне. Это придавало мне честь как мужчине и самоуважение. Но в момент окончательного расставания с афганской землей я все-таки испытал облегчение.

– Бывали ли в Вашей службе по-настоящему приятные моменты?

– Уже тогда я был музыкантом. Мы с товарищами даже участвовали в создании легендарных «Голубых беретов». Объездили с концертами весь Афганистан. Обработывали известные солдатские песни и писали свои. Это было здорово.

– Что было после возвращения?

– Получив диплом учителя истории, я начал искать работу в школе, но хотелось не в город. Я – человек полусельский. Друг подсказал, что есть место в Рубовской школе. Меня приняли. Очень люблю свою работу. И предмет, и детей. В работе я себя нашел. С семейной жизнью повезло меньше. Уже два года как разведен. Дочери моей 14 лет. Она учится в восьмом классе. Воспитал сына бывшей жены. Ему сейчас 19 лет, служит пограничником.

– Чем любите заниматься на досуге?

– Часто выступаю с ансамблем. Репертуар наш состоит в основном из народных песен. Приходят, смотрят. Участвую в самодеятельных театральные представлениях. Увлекаюсь купанием в проруби, и пару лет назад мы с друзьями даже основали клуб закалывания. Очень много читаю.

– Ваши любимые авторы?

– Обожаю русскую классику 19 века. Нравнодушен к мистике. Например, интересуюсь Кастанедой. Увлекаюсь и философскими книгами. Трудно быть историком, не зная философии.

– Что сегодня, прежде всего, на Ваш взгляд, беспокоит ветеранов Афгана?

– Каждый устроен по-разному, но в целом «афганцы» – люди с душевной травмой, которым живется нелегко. Больше всего моих фронтовых товарищей волнует безработица. Примерно каждый третий не имеет работы. Пенсия тоже небольшая. Многие впадают в пессимизм, спиваются. Но все-таки держимся. Мы ведь получили такую закалку!

– Как Вы думаете, нужна ли сейчас Беларуси армия?

– Она нужна не только стране, но и самим ребятам, которые хотят стать мужчинами и не боятся жизни.

О. Дронь